

Конт и позитивизм*

Уильям Хьюэлл

Данная статья – последнее философское произведение Уильяма Хьюэлл, опубликованное после его смерти в 1866 г. В ней философ и историк науки критикует наиболее популярную в его время концепцию позитивизма Огюста Конта, претендующую на объяснение развития научного знания и научных дисциплин. Он также критически рассматривает влияние идей Конта на идеи своего постоянного оппонента Джона Стюарта Милля, приводя контр-примеры из истории науки.

Ключевые слова: Хьюэлл, Конт, Милль, философия науки, научное знание, история науки, позитивизм

COMTE AND POSITIVISM

William Whewell

The article is the last philosophical essay by William Whewell published after his death in 1866. Here the philosopher and historian of science criticizes the most popular explanatory theory of scientific and disciplinary development of his time proposed by Auguste Comte. He also critically investigates the influence of Comte's ideas on the ideas of John Stewart Mill, his main opponent, providing counter-examples from the history of science.

Keywords: Whewell, Comte, Mill, philosophy of science, scientific knowledge, history of science, positivism

В последние годы часто рассматривали и обсуждали «позитивную философию», причем манера обсуждения и многочисленные публикации на данную тему приводят к мысли о том, что эта философия стала предметом широкого интереса. Поэтому, г-н Издатель¹, я надеюсь, что этот предмет является подходящим для страниц Вашего журнала, и готов внести свой вклад в его обсуждение. Много лет тому назад я уже выразил свое отношение к г-ну Огюсту Конту и его позитивной философии. Тогда я говорил о нем как о человеке, ограниченность знаний которого и необузданность мышления лишают какой-либо ценности его мнения по поводу философии и истории науки. Я не видел причин изменить это мнение, однако прославленные авторы нашего столетия проявили по отношению к нему такое большое внимание и восхищение, что это вынуждает меня пересмотреть заново свою прежнюю оценку.

Вновь обратить наше внимание на Конта и его философию заставляет нас заслуженный авторитет г-на Дж. С. Милля. В наше время нет авторитета более высокого, чем его авторитет. Глубина философской мысли Милля, широчайший диапазон его познаний естественным об-

* Перевод осуществлен по изданию: [Whewell, 1866].

¹ Имеется в виду Александр МакМиллан (Alexander MacMillan, 1818–1896), сооснователь издательства MacMillan. – *Примеч. ред.*

разом заставляют нас присматриваться к его указаниям. Его любовь к истине и бесстрашное исследование ее следствий заслужили ему всеобщее признание и уважение. Наше время может гордиться тем, что один из наиболее известных наших сограждан полностью воспринял и выразил великую максиму Платона, гласящую, что мир изменится к лучшему только тогда, когда наши правители станут философами или править нами будут философы. Это широкое признание философских заслуг Милля подталкивает нас к рассмотрению тех авторов, которым он приписывает высокие достоинства. Возможно, некоторым молодым читателям известно, что я всегда с уважением относился к убеждениям Милля и с интересом рассматривал волновавшие его вопросы, однако многие его убеждения я считал ошибочными и публично высказывался о том, почему я так думаю. Я продолжаю стоять на этой позиции. Я не разделяю восхищения Милля Огюстом Контом, хотя теперь оно стало гораздо более сдержанным и уравнивается чем-то очень похожим на пренебрежение по отношению к его более поздним учениям. Я также буду рассматривать предмет несколько более подробно, чем делал это раньше.

Я позволю себе отметить некоторые особенности учения Огюста Конта, заслужившие особое одобрение Милля. К ним относятся, как мне кажется, отрицание г-ном Контом всех абстрактных понятий, причин, теорий и т. п., а также его утверждение о том, что только явления представляют собой единственный и подлинный предмет науки. Все, выходящее за пределы явлений, он клеймит как «метафизику», причем стремится придать этому термину оскорбительный оттенок. Это стремление сближает его с английскими «обыденными читателями» и их кухонными разговорами. Г-н Милль разделяет это отвращение к абстрактным терминам и считает их вредными. Например, в старой максиме «Природа боится пустоты» он усматривает тот недостаток, что это утверждение делает Природу активным деятелем. Должен признаться, что это кажется мне чрезмерной философской щепетильностью. Почему бы не выражать реальные факты знакомыми словами, даже если они звучат несколько фигурально? Разве не верно, что в нашей земной области Природа действительно боится пустоты? Что приобрела бы философия, если бы вместо этого простого утверждения мы сказали бы, что «в системе материи, сжатой силами притяжения, имеется стремление заполнять материей всякое пустое пространство»? Неужели абстрактный термин «Природа» является настолько неясным, что нам трудно вспомнить, что он означает? Неужели нас так пугает «боязнь» Природы, что мы готовы любой ценой избавиться от этого термина?

Как я уже сказал, мне кажется, что одна из главных особенностей философии Конта, привлекающая к ней симпатии г-на Милля, заключается в неприятии слова «метафизический» и что «позитивная фи-

лософия» является позитивной, главным образом, в *отрицании* всего, что не является фактом, – всех абстракций, причин, теорий и т. п. Конт утверждает (и, по-видимому, в этом состоит одно из важнейших его открытий, поскольку образует очень важную часть его системы), что в каждой науке существует некий метафизический этап, предшествующий позитивной стадии, которая и является подлинной формой науки. Я считаю это совершенно ошибочным. Нет ни одной науки, в которой можно было бы указать такую последовательность смены метафизического этапа позитивным. Нет науки, в которой открытие законов явлений, раз оно началось, осуществлялось бы независимо от обсуждения идей, которые должны быть названы *метафизическими*, если уж их как-то надо называть. Нет науки, в которой выражение законов явлений можно было бы отделить от идей, занявших свое место в науке благодаря метафизическим соображениям. Нет науки, в которой самое активное исследование идей происходило бы *до* или *после* первого открытия законов явлений. Это можно проиллюстрировать примерами из всех наук, в которых можно заметить хотя бы какой-то прогресс. Открытия Кеплера были бы невозможны без его метафизических понятий. Опять-таки, эти открытия законов явлений не могли прямо привести к теории Ньютона. Для ее создания потребовалось столетие метафизических дискуссий. И, наконец, те науки, которые являются наиболее прогрессивными и многообещающими, нуждаются не только в дополнительных фактах, но и в метафизическом прояснении идей. Кто поможет нам прийти к истинному или хотя бы временно приемлемому пониманию атомного строения тел и объяснит, почему при любой схеме атомного строения мы неизменно приходим к противоречию, связанному с *полу-атомами*, и как этого избежать? Кто поможет нам избежать геометрических противоречий, возникающих на каждом шагу, когда мы пытаемся вообразить структуру кристаллов? Кто может дать нам метафизически приемлемое понятие химического соединения? Являются ли все химические соединения бинарными? Конт считает, что это так, но ведь это совершенно метафизическая идея, ибо он не приводит для нее никаких физических оснований. К тому же она несовместима с простейшими фактами новейшей химии. Кто сможет дать определение жизненной силы, избегая метафизических понятий? И как можно было бы использовать это определение? Мы могли бы пройтись по всему ряду наук, задавая подобные вопросы, и каждая наука, в свою очередь, показала бы нам, сколь безосновательной является мысль о том, что существует хорошая позитивная стадия развития науки, приходящая на смену плохой метафизической стадии.

Теоретическое воззрение г-на Конта на прогресс науки включает в себя более общее утверждение, которое я упоминаю потому, что оно более широко известно, хотя мне оно представляется не имею-

щим какой-либо ценности и абсолютно бессодержательным. Согласно этому утверждению, науки в своем развитии проходят три стадии: во-первых, теологическую; во-вторых, метафизическую; в-третьих, позитивную. Верно, конечно, что в отдаленные от нас времена люди верили в то, что Солнце и Луна являются божествами или управляются богами, однако это еще не наука и даже не начало науки – это состояние мышления, предшествующее возникновению науки. Хорошо, пусть так, и пусть астрономия сначала была телеологической. Но прошли ли эту стадию другие науки? В физике не было этой стадии. Как сказал Адам Смит, никогда не существовало божества тяжести. А что с химией? Удивительно, но в химии была своя мифологическая стадия, однако это была вовсе не первая стадия ее развития. Был период, когда химики описывали вещества и операции с ними с помощью ярких олицетворений, когда золото считалось *королем* металлов, а серебро – *королевой*. Объект, который более всего стремились получить, – *regulus* – юный и наиболее неустойчивый из металлов². Для их получения использовались *заклинания*, обладавшие властью изменять тела, и другие фантастические процедуры. Точно так же и астрономия прошла свой мифологический период в эпоху господства астрологии. Однако вопреки контовскому порядку развития наук это случилось уже после длительного существования позитивной науки астрономии у древних греков, результаты которых до сих пор являются частью наших астрономических знаний. Так что история науки вполне убедительно опровергает попытку придать какой-то глубокий и общий смысл тому факту, что, когда люди только начинали говорить о Солнце и Луне, они называли их Аполлоном и Дианой.

Другая особенность *позитивной* философии состоит в том, что она отвергает (как я уже говорил, все ее характеристики являются негативными) современные теории, например, волновую теорию в оптике, и сводит науку только к фактам. На это существует неопровержимый ответ. Без теории факты не могут быть *выражены*. На это неоднократно указывали противникам волновой теории, предлагая им, не обращаясь к языку этой теории, выразить факты, относящиеся к *дифракции* света (появление темных и светлых линий на границе тени, отбрасываемой освещенным телом).

В этом случае, как и во многих других, нет возможности установить факты, не используя языка теории, следовательно, позитивной науки в смысле Конта не существует.

Однако Конт был слишком мало знаком с современной оптикой, чтобы знать об этом. Язык, на котором он говорит о современной оптике (и других современных науках, за исключением астрономии), является поверхностным и претенциозным. Он прибегает к пустым

² Имеется в виду полуметалл (металлоид) сурьма в алхимической классификации металлов. – *Примеч. ред.*

общим фразам для того, чтобы придать своим высказываниям видимость знания. Так, например, он утверждает, что Френель³ применил принцип интерференции к явлению окрашенных колец, «по отношению к которому прекрасные работы Ньютона оставляли желать еще многого»⁴, и стремится создать впечатление, будто работа Френеля была лишь дополнением к работе Ньютона!

Я смотрю на Конта как на примечательный пример личности, порожденной во Франции доминированием изучения математики в подготовке последнего поколения ученых. Конечно, до некоторой степени он отличается от питомцев Политехнической школы, хотя его достижения были сильно преувеличены. Как показал сэр Джон Гершель, его претензии на открытия смешны и абсурдны⁵. Однако математики этого поколения с величайшей изобретательностью и проницательностью дополнили теорию гравитации Ньютона, опираясь на свое тонкое математическое мастерство

Я не собираюсь рассматривать взгляды Конта относительно других наук. Мне кажется, он во всем чрезвычайно поверхностен, а иногда грубо ошибается. В качестве примера я могу процитировать то, что сам г-н Милль говорит о рассуждениях Конта по поводу одной из наиболее заметных новейших наук, к тому же той, с историей которой он специально должен был познакомиться, ибо претендует на грандиозное дополнение к ней под именем «социологии». Я имею в виду политическую экономию. «Любому человеку, — пишет Милль [Mill, 1865, р. 80], — знакомому с сочинениями политэкономов, достаточно прочитать хотя бы несколько страниц его критики, чтобы понять, сколь поверхностным иногда может быть г-н Конт. Он утверждает, что они якобы ничего не добавили к первоначальным *aperçus* [исследованиям. — *фр.*] Адама Смита, хотя каждому должно быть известно, что они внесли так много нового, что изменили все лицо этой науки». Вместо того, чтобы советовать читателю прочитать несколько страниц Конта для осознания того, насколько он *может* быть поверхностен, я рекомендовал бы ознакомиться с *любой* страницей его умозрительных рассуждений — этого вполне достаточно.

³ Огюстен Жан Френель (Augustin-Jean Fresnel, 1788–1827) — французский физик, один из авторов волновой теории света. — *Примеч. ред.*

⁴ Цит. по: [Конт, 1901, с. 115] — *Примеч. ред.*

⁵ Хьюэлл имеет в виду критику Джоном Гершелем взглядов Огюста Конта, опубликованную в (Herschel, (1845) 1857, р. 667–668). Гершель, по рекомендации Милля, прочел «Курс позитивной философии», однако обнаружив в ряде математических расчетов, касающихся небулярной гипотезы происхождения Солнечной системы, допущенные Контом ошибки, равно как и отсутствие строгой аргументации, выступил с весьма резкой критикой его учения. Впоследствии к критике присоединился геолог Адам Седжвик, а сам Огюст Конт воздержался от продолжения спора. Джон Стюарт Милль, изначально разделявший точку зрения Конта, впоследствии принял сторону Гершеля. Об этом см.: [Pickering, 2009]. — *Примеч. ред.*

Однако мне хотелось бы сказать несколько слов о другой стороне позитивной философии, которая может показаться привлекательной тем мыслителям, которые, подобно Миллю, с подозрением относятся к идеям, ограничивают себя исследованием явлений и отвергают исследование *причин*. Верно, что нельзя исследование причин объявлять первой и главной целью научного исследования. Однако не Конт первым провозгласил эту истину, причем сделал это весьма неуклюже. Защитники противоположного учения носят столь славные имена, что нетрудно попасть под их влияние, а именно, это Аристотель и Бэкон. Аристотель говорит о том, что подлинное знание есть знание посредством причин; Бэкон занят открытием «природы» вещей. В противоположность их мнению, рассмотрение реально прогрессирующей науки говорит нам о том, что первый шаг науки состоит в открытии законов явлений и что только опираясь на эти законы и восходя от одной степени общности к более высокой, мы можем надеяться открыть те самые общие законы, которые мы называем *причинами*. Но если нам открываются такие общие законы, то почему мы не можем назвать их *причинами*, когда весь мир их так называет? Возьмем, например, одну из наиболее замечательных и прогрессирующих наук нашего времени – геологию. Она начинается с наблюдения и классификации геологических пластов, однако стремится открыть причины их состава и местоположения – вода или огонь были главными агентами, действовали они непрерывно или в виде неожиданных катастроф? Вот такие исследования в наши дни привлекают к себе внимание всех тех, кто занимается геологией. Воздержатся ли они от этих исследований только потому, что Конт уверяет их, будто изучение причин безнадежно и нефилософично? Или же он объявит, что нет таких наук, как геология?

Как я уже говорил, основная особенность позитивной философии заключается в ее отрицаниях. В ней распространена склонность к тому, чтобы объявлять наиболее «прогрессивными» [*«advanced»*] философами тех, кто отвергает самую большую часть общепризнанных и обоснованных истин. Примером может служить следующее: помимо отрицания причин в качестве подходящего предмета научного исследования, совсем недавно существовала широко распространенная склонность отвергать *конечные причины*, т. е. свидетельства приспособленности средств к целям в структуре живых организмов. Эти свидетельства, которые своим пронизательным умом впервые уловил Сократ и которые с тех пор привлекали внимание наиболее известных и философски мыслящих исследователей, недавно были с пренебрежением отброшены на основании того, что структуры, рассматриваемые как выражения цели, современными физиологами были сведены к некоему принципу морфологии, согласно которому все животные структуры являются лишь модификациями какого-то

общего проекта. И часто цитировали утверждение Бэкона о том, что конечные причины подобны девам-весталкам, посвятившим себя Богу и поэтому бесплодным. Конечно, нетрудно показать, что во времена Бэкона рассуждения, исходящие из конечных причин, были отставлены далеко в сторону. Однако несомненно, что относительно строения животных наиболее выдающиеся физиологи во все времена провозглашали, что на каждом шагу они открывают свидетельства предназначения и совершают свои открытия, придерживаясь этого принципа. Обратимся к знаменитым примерам: нам известно, что так было в случае с открытием Гарвеем кровообращения; нам известно, что так было, когда Кювье⁶ восстанавливал облик вымерших животных, опираясь на их окаменевшие останки. Эти авторы говорят нам, что так было. Ошибались ли они? Неужели ложный, далекий от реальности принцип привел их к наиболее важным научным истинам, которыми мы обладаем? Являются ли девы-весталки бесплодными по своей природе или лишь божественный авторитет ставит их выше подозрений? Они *имели* отпрысков, великих и славных отпрысков. Тем не менее в высшей степени важно то обстоятельство, что никто не должен был опрометчиво приписывать им детей. Никто не должен заявлять о родительских правах на детище своего собственного ума. Да будет услышан голос мудрого человека! Пусть им нелегко покинуть их храм, но они продолжают свои восхваления на том языке, который они усваивали на протяжении столетий от Сократа до Оуэна⁷, и не следует думать, будто их слова лишены значения из-за нескольких бессмысленных фраз, вставленных людьми скорее благочестивыми, нежели мудрыми⁸.

Я сказал, что структуры, которым ранее приписывали предназначение, теперь истолковываются с помощью морфологии. Сознаюсь, я был удивлен тем, до какой степени морфологию превознесли над телеологией. Крыло воробья и рука человека состоят из одинакового набора костей – *это* морфология. Крыло создано для полета, рука – для схватывания и бросания, – *это* телеология. Каким образом один принцип исключает другой?

⁶ Жорж Леопольд Кювье (Jean Léopold Nicolas Frédéric Cuvier, 1769–1832) – французский натуралист, один из основателей научной палеонтологии. – *Примеч. ред.*

⁷ Ричард Оуэн (Richard Owen, 1804–1892) – английский зоолог и палеонтолог, один из основателей сравнительной анатомии, а также автор термина «динозавр». – *Примеч. ред.*

⁸ Я с большим удовольствием отсылаю читателя к недавно опубликованной речи д-ра Аккланда в честь Гарвея [Acland, 1865]. В ней он **обсуждает вопрос о конечных причинах**, иллюстрируя свои рассуждения примером Гарвея и замечаниями многих философов. Он даже имеет терпение спорить с теми, кто отрицает, что глаз был создан для зрения, указывая на то, что оптическая регулировка глаза опровергает учение о том, будто он возник сам собой. Генри Аккланд (Sir Henry Wentworth Dyke Acland, 1815–1900) – английский врач и просветитель, реформатор санитарных норм Англии и Уэльса. – *Примеч. ред.*

Говорят, что наиболее полезные для животного структуры формировались благодаря мельчайшим изменениям в бесчисленном ряде поколений. Поэтому все органы создавались не для некоей цели, а *возрастали* сами по себе. Глаз не был предназначен для зрения, а ухо для слушания. Без преувеличения можно сказать, что такие заявления уничтожают философию, по крайней мере, на какое-то время. Но пусть это будет лишь какое-то время. Пусть философия попытается вернуть себе самообладание. Тогда она спросит: каково альтернативное предположение? Глаз не создан для зрения. Пусть будет так. Но как тогда он формировался?

Наш наставник отвечает: «Различные факты заставляют меня подозревать, что любые чувствительные нервы можно сделать чувствительными к свету. Можно показать, что существует постепенный переход от совершенного и сложного глаза к очень несовершенному и простому, причем каждая ступень в этом переходе полезна для ее обладателя. Далее, глаз изменяется, хотя и незначительно, и его изменения не имеют пределов. А если какая-то вариация или модификация органа полезна для животного при изменении условий жизни, то убеждение в том, что совершенный и сложный глаз сформировался благодаря естественному отбору, едва ли можно подвергнуть сомнению» [Darwin, 1859, p. 186–187]⁹.

Полагаю, наша философия вскинет руки и глаза от изумления перед этой громадной фабрикой гипотез, основанием которой является лишь *подозрение*, что любой нерв может стать чувствительным к свету. Могут существовать переходы от несовершенного и простого глаза – кусочка нерва, чувствительного к свету, – к совершенному и сложному глазу; каждая ступень полезна для ее обладателя; следовательно, нетрудно предположить, что таковой была истинная история материи! Удивительные приспособления для регулировки фокуса к разным расстояниям, для допуска разных количеств света, для коррекции сферической и хроматической аберрации – все это было приобретено на воображаемом пути от кусочка нерва до сложного глаза, следовательно, Природа двигалась по этому пути к сложному глазу. Это *выглядит* абсурдным, тем не менее, такое учение распространяется.

По-видимому, это лучшая физиологическая философия, которую мы можем получить, если отвергаем конечные причины. И те, кто ее поддерживает, считаются «передовыми» физиологами. Однако я не вижу причин верить в то, что успешное развитие науки состоит в отрицании ранее обоснованных истин. Напротив, я уверен в том, что однажды полученные истины остаются истинами всегда. И считаю, что «позитивная философия» является ложным и лишенным какой-

⁹ Перевод приводится по первому изданию, которое цитирует Хьюэлл. В последующих изданиях данная цитата изменена. – *Примеч. ред.*

либо ценности учением, состоящим в постоянном отрицании того, что было установлено мыслящими людьми в результате тщательного анализа фактов.

Я с великой неохотой написал так много о Конте и его позитивной философии, однако не могу умолчать о том, что считаю его совершенно недостойным философского обсуждения. Одно лишь уважение, которое я питаю к восхваляющим его людям, например, г-ну Миллю и г-ну Дж. Г. Льюису¹⁰, заставило меня проверить справедливость моего мнения о нем. Я подумал, что, может быть, стоит посмотреть на наиболее привлекательные стороны его философии. Высокая ценность, которую Милль приписывает некоторым частям его сочинений, вызывает у меня удивление.

Когда я говорю, что рассуждения Конта об истории науки кажутся мне никчемными, я не хочу сказать, что *сам предмет* этих рассуждений не заслуживает внимания. Я критикую рассуждения Конта об этом предмете потому, что нахожу в них слишком мало истории науки и даже в этом малом вижу слишком много ошибок по наиболее важным пунктам, когда он, например, открытие Ньютоном центральной силы приписывает Кеплеру, у которого никогда не было идеи центральной силы. И его рассуждения относительно теологической стадии науки имеют столь же малое отношение к истории науки, как рассказы о Торе и Одине к истории Англии. Но если кто-то напишет историю какой-то науки, отмечая эпохи кардинальных открытий, сделавших ее наукой, их основания и разработку (именно из таких периодов действительно состоит история каждой науки), я с удовольствием приму его учение. А если он правильно интерпретирует факты истории (для чего он должен тщательно изучить оригинальные сочинения авторов, занимавшихся выдвижением предположений, открытиями и их разработкой), я буду благодарен ему как коллеге-исследователю как мастеру своего дела.

До сих пор я ограничивался рассмотрением предполагаемых достижений Конта в области материальных наук, поскольку здесь у нас есть определенный набор обоснованных истин и мы знаем, о чем говорим. Я думаю, именно в этой области Конт заслужил свою репутацию. Затем он изменил или расширил основную направленность своей философии и обратился к конструированию совершенной социальной системы. Поскольку я не занимаюсь изучением таких вещей, постольку в заключительной части статьи я передаю его в руки почитателей и критиков – г-на Милля и г-на Дж. Г. Льюиса.

В весьма забавной статье (опубликованной в *Fortnightly Review*) Дж. Г. Льюис дает очерк биографии Конта, который имеет некоторый смысл в качестве иллюстрации его «социологических» идей и

¹⁰ Джордж Генри Льюис (George Henry Lewes, 1817–1878) – английский литературный критик и философ-позитивист, выступающий против метафизики. – *Примеч. ред.*

рассуждений. Г-н Льюис пишет: «В возрасте семнадцати лет он был принят в Политехническую школу, где обнаружили его республиканские склонности и научная любознательность, выражавшая его пылкий и пытливый характер... Его товарищи относились к нему с уважением и восхищением. Профессора признавали наличие у него выдающихся способностей. Перед ним открывалась прекрасная карьера, когда он был арестован за характерный для него поступок. Один из преподавателей был оскорблен за свои манеры молодыми студентами; студенты более старшего возраста рассмотрели этот случай и после зрелого размышления решили, что преподаватель недостойн продолжать свою работу. Они составили следующее заявление: “Месяе, сколь бы ни было нам прискорбно принимать меры против бывшего ученика Школы, мы настаиваем, чтобы ваша нога сюда более не ступала”. Это заявление было составлено Контом и он подписал его первым. Результатом было исключение его из Школы. Его официальная карьера закончилась. Он был вынужден возвратиться домой и некоторое время находился под надзором полиции» [Lewes, 1865/1866, p. 386].

После этого он отправился искать удачи в Париже. Здесь он нашел благоприятную возможность, которой мог бы воспользоваться не столь мятежный дух. «Он стал личным секретарем Казимира Перье¹¹, однако быстро обнаружил, что от оплачиваемого слуги ожидают лишь слепого послушания. Приглашенный высказать некоторые замечания об общественной деятельности своего господина, что “они были безвкусны”. В итоге после трехлетнего опыта их связь прервалась» [Lewes, 1865/1866, p. 387].

Затем он перешел на службу к прославленному Сен-Симону и сделался его секретарем, учеником и на некоторое время – другом. Эта связь безусловно сыграла большую роль в пробуждении у Конта интереса к размышлениям о структуре общества. В 1824 г. Конт пришел к полному разрыву отношений с Сен-Симоном. Вскоре после этого он опубликовал сочинение, в котором его почитатели находят зачатки его последующих размышлений. В этом сочинении он провозглашает свое учение о трех стадиях в развитии науки – теологической, метафизической и позитивной, а также говорит о том, что человеческая деятельность в обществе организуется тремя соответствующими силами – силами завоевания, силами защиты и мирными силами развития индустрии. «Философия (или общие убеждения) при переходе от теологической к позитивной стадии должна на место военного строя поставить индустриальный. Наконец, духовная реорганизация, являющаяся необходимым условием всех социальных преобразований,

¹¹ Казимир Пьер Перье (Casimir Pierre Périer, 1777–1832) – французский банкир и государственный деятель, впоследствии возглавлял кабинет министров Июльской монархии. – *Примеч. ред.*

должна опираться на авторитет доказательства, она должна опираться на науку с ее вероучителями, выделившимися из возрожденного научного класса» [Lewes, 1865/1866, p. 389–390].

Вскоре после этого Конт женился на продавщице книг Каролине Массен. Он взял себе ученика для помощи. «Во время женитьбы у Конта был только один ученик, который был “Байярдом наших дней”, по выражению его приверженца генерала Ламорисьера¹². За небольшую сумму денег, добытых его женой, было приобретено скромное жилище на улице Оратуар. Здесь г-н де Нарбонн предложил Конту принять его сына в ученики и обеспечил его полным пансионом. Но когда небольшие деньги были истрачены, а ученики не появлялись, содержание пансиона стало обременительным. Через несколько месяцев редким пансионерам было отказано и молодая пара переехала в более скромное жилище на Монмартре» [Lewes, 1865/1866, p. 390–391].

В 1826 г. он начал читать курс лекций, в котором излагал свою систему. Многие из выдающихся людей, находившиеся тогда в Париже, – Гумбольдт, Пуансо, де Блэнвилль, Карно и др.¹³, – проявили доброжелательный интерес к коллеге-профессору – интерес, который вообще присущ людям науки, и пришли на его лекции. Однако после трех или четырех лекций внезапный приступ умопомешательства прервал курс. Г-н Льюис приводит очень интересные подробности этого периода умопомрачения, причем присоединяет к ним весьма любопытное дополнение – список «знаменитых сумасшедших». К Лукрецию и Куперу¹⁴ он добавляет Магомета, Лойолу, Петра Великого, Халлера¹⁵, Ньютона, Тассо¹⁶, Свифта, Доницетти¹⁷, желая пока-

¹² Кристоф Луи Леон Жюшо де Ламорисьер (Christophe Louis Léon Juchault de Lamoricière, 1806–1865) – французский дивизионный генерал, занимал посты военного министра и чрезвычайного посла в России. – *Примеч. ред.*

¹³ Имеются в виду: Александр фон Гумбольдт (Alexander von Humboldt, 1769–1859) – немецкий учёный-энциклопедист и путешественник; Луи Пуансо (Louis Poinsot, 1777–1859) – французский математик и механик, к указанному периоду – академик Французской академии наук; Анри-Мари Дюкроте-де-Блэнвилль (Henri Marie Ducrotay de Blainville, 1777–1850) – французский зоолог и анатом, автор термина палеонтология; Сад Карно (Sadi Carnot, 1796–1832) – французский физик, математик и инженер. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Уильям Купер (William Cowper, 1731–1800) – английский поэт, к концу жизни страдал от психических расстройств. – *Примеч. ред.*

¹⁵ Альбрехт фон Галлер (Albrecht von Haller, 1708–1777) – швейцарский анатом, физиолог, ботаник и поэт. В последние годы жизни из-за болезни был вынужден принимать опиум. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Торквато Тассо (Torquato Tasso, 1544–1595) – итальянский поэт, страдавший от мании преследования и проведший несколько лет в психиатрической лечебнице. – *Примеч. ред.*

¹⁷ Доменико Газтано Мариа Доницетти (Domenico Gaetano Maria Donizetti, 1797–1848) – итальянский оперный композитор, из-за психического расстройства за четыре года до смерти был вынужден оставить музыку. – *Примеч. ред.*

зять, что в таких случаях «ум *является* ясным в моменты просветления». На обычного читателя, я думаю, это произведет впечатление как забавное обоснование ясности мышления самого Конта.

В 1830 г. он опубликовал первый том своего «Курса», последний шестой том вышел в 1842 г. И Льюис с восхищением пишет: «С выходом в свет “Курса позитивной философии” он занял свое место среди величайших мыслителей всех времен, однако навлек на себя свирепую ненависть конкурентов и униженных профессоров, которые при поддержке возмущенных теологов, метафизиков и журналистов, раздраженных его опасным возвышением и его молчаливым презрением, сделали все, чтобы прервать его официальную карьеру» [Lewes, 1865/1866, p. 398].

Однако я не могу не привести более интересный отрывок, повествующий о его последних днях, непосредственным свидетелем которых был Льюис. В 1842 г. он расстался со своей женой. В 1845 г. он впервые встретился с мадам Клотильдой де Во. Супружеские отношения его и ее были удивительно сходны. Она навсегда была разлучена со своим мужем вследствие совершенного им преступления, за которое он был осужден на пожизненную каторгу. Будучи по существу свободной, она, тем не менее, по закону была связана с мужчиной, позор которого ложился пятном и на нее. Конт также навсегда был разлучен с женой, сбежавшей от него, и хотя по существу был свободен, согласно закону был женат. Таким образом, брак между ними был невозможен, им пришлось довольствоваться чистой и пылкой дружбой.

В связи с этим Льюис цитирует строчки своего любимого Данте:

Та, что мой дух возносит в рай блаженный,
Все низкие смывает помышленья¹⁸.

«Каждый, кто знал его в этот короткий период счастья, помнит, с каким пылким воодушевлением он говорил о ней, помнит переполнявшие его чувства, побуждавшие его постоянно говорить о ней с любым слушателем. В эти первые дни его привязанности я впервые увидел его: он говорил о ней с таким воодушевлением, что сильно заинтересовал меня» [Lewes, 1865/1866, p. 410]. Нельзя читать без волнения следующие строки: «Когда я увидел его в следующий раз, он был в отчаянии от непоправимой утраты, слезы ручьем текли по его щекам, когда он говорил о ее совершенствах. Счастье длилось всего лишь один год» [Lewes, 1865/1866, p. 410].

¹⁸ Данте принадлежит только первая из цитируемых строк (Божественная комедия, песнь 28, стих 3). Вторая строка принадлежит Петрарке (Сонет 351). Цит. по: [Данте, 1967, с. 497; Петрарка, 1989]. Один из комментаторов предположил, что Льюис хотел передать любовь Конта к Клотильде де Во через объединение двух наиболее известных в литературе объектов любви – Беатриче и Лауры [Ingram, 1783, p. 249]. – *Примеч. ред.*

Его преданность ее памяти, любопытная форма, в которой она выражалась, также вызывает большой интерес. Однако при обсуждении более поздней работы Конта, его «Позитивной политики», я буду цитировать г-на Милля, который дал интересный анализ этой части рассуждений Конта и который, как мне представляется, пишет о Конте так благоприятно, как мог бы писать любой рационально мыслящий человек. Одно здоровое замечание Милля обнаруживает тот дух и характер, с которым он высказывает критику в адрес «социологических» рассуждений Конта:

«Нельзя не заметить некоторых аномалий в мыслителе калибра Конта [любопытно, как часто Милль находит «аномалии» при своей несокрушимой вере в «калибр» Конта. – V.X.], когда после приведения многочисленных свидетельств в пользу утверждения о медленном развитии наук, которые – за исключением математики и астрономии – находятся, как он справедливо считает, на очень ранней стадии развития, он, тем не менее, полагает, что с учреждением позитивной науки социологии их развитие будет завершено» [Mill, 1865, p. 119–120]. Это замечание Милль применяет к «социологии» Конта. Я процитирую его очерк государственного устройства по Конту:

«Корпорация философов, получающая умеренную поддержку от государства и окруженная уважением, но безусловно отлученная не только от всякой политической власти или службы, но и от всякого богатства и всех занятий, кроме ей свойственного, должна полностью руководить образованием. Вместе с тем, она имеет не только право и обязанность давать советы и порицать всех лиц относительно их общественной и частной жизни, но также и контролировать (не определено, нравственно или авторитарно) сам рассуждающий класс. Она удерживает его от траты времени и усилий на исследования или на размышления, не имеющие ценности для человечества (к ним он относит многие результаты, ныне пользующиеся широким признанием), и направляет все их силы на те исследования, которые можно оценить как гораздо более важные для общего благосостояния. Временное правительство, сосуществующее с этим духовным авторитетом, состоит из капиталистической аристократии, достоинство и авторитет которой измеряется степенью общности ее замыслов и операций: банкиры находятся на самой вершине, купцы – ниже, затем идут промышленники, а земледельцы занимают самую нижнюю ступеньку шкалы» [Mill, 1865, p. 122]. **Насколько я помню, из этой «аристократии» должно было состоять правительство, проектируемое сторонниками Сен-Симона.** Милль добавляет: «Свобода и самопроизвольность индивидов не входят в эту схему. Конт относится к ним с подозрением как любой педагог-схоласт или церковный вероучитель. Каждый конкретный акт поведения, публичный или частный, должен

быть открыт для общественного рассмотрения и силой общественного мнения удерживаться в рамках, которые наиболее правильно оценивает духовная корпорация» [Mill, 1865, p. 123]. Почтительность, которую проявляет Милль при обсуждении схемы Конта, является поучительным примером философского смирения, которое в данном случае кажется мне абсурдным. Я не буду подробно говорить об этом, однако некоторые детали не могли не рассмешить читателя, как забавляли они, очевидно, и Милля.

В своих более поздних работах, говорит Милль, Конт предстает в виде верховного жреца Религии человечества. Религия предполагает наличие культа, и при господстве культа католической религии Конт, стремясь соперничать с ней или заменить ее и ее влияние на мышление своих сограждан, должен был предоставить эквивалент и для личного благочестия, и для общественных церемоний. Читатель удивится, говорит Милль, когда услышит, что первое выражается в молитвах:

Однако молитва в понимании Конта не означает вопрошания, она состоит лишь в излиянии чувств и с этой точки зрения он провозглашает авторитет христианской мистики. Она не адресована *Grand Être* [Великое Бытие – фр.], коллективному человечеству, хотя иногда он использует метафоры в стиле этой богини. Почитание коллективного человечества предназначено для общественных празднеств. Частное поклонение должно быть обращено к наиболее ценным личностям, неважно, живым или мертвым, однако во всех случаях это должна быть женщина, ибо женщина, будучи *sexe aimant* [любящим полом – фр.], представляет самые лучшие атрибуты человечности, которые должны регулировать всю человеческую жизнь. Только женщина может быть символом человечности. Объектами поклонения являются матери, жены и дочери, представляющие прошлое, настоящее и будущее и пробуждающие три социальных чувства – благоговения, преданности и доброты. Независимо от того, живы они или умерли, мы относимся к ним как к нашим ангелам-хранителям, *les vrais anges guardians* [истинным ангелам-хранителям – фр.]. Если же нет жены и дочери или какой-то из этих трех типов слишком несовершенен, чтобы быть объектом поклонения, то на его место может быть поставлен какой-то иной тип женского превосходства, хотя бы взятый из истории. Неважно, жив или мертв наш объект, наше поклонение обращено лишь к идее [Mill, 1865, p. 150].

Таким образом, Конт предоставляет своим последователям формы личной молитвы и ангелов-хранителей, а затем переходит к способам общественного почитания и другим предметам, к которым он обращается с величайшей серьезностью и вниманием к деталям. Я приведу здесь лишь еще одну чрезвычайно интересную выписку из статьи Милля:

Недостаточно было иметь эквиваленты для Отцов и Молитв католицизма, ему нужен был также и знак креста, поэтому он ставит на это место себя. – “Это расширение может быть усовершенствовано с помощью универсальных знаков. [...] Чтобы лучше развивать необходимое свойство позитивистской установки на постоянное представление человеческого состояния, ее нужно излагать, последовательно затрагивая наиболее важные органы, которые теория мозга приписывает этим трем элементам” [Mill, 1865, p. 154].

Конт создал здесь портрет своего собственного черепа, однако я недостаточно изучил его систему, чтобы судить о том, какие части головы или лица принадлежат одному или другому Конту. Тем не менее результат должен быть подобен тому, который описал современный подражатель Гомера:

Тогда юноша к кончику своего носа приставил Большой палец левой руки,

Разжал пальцы правой руки и присоединил правую руку к левой¹⁹.

Милль, по-видимому, думает так же, поскольку с видимым огорчением говорит: «Возможно, это очень подходящий способ поклонения *Grand Être*, однако тот, кто оценит его воздействие на простого читателя, подумает, что лучше было бы воздержаться от него до наступления более прогрессивной стадии распространения позитивной религии» [Mill, 1865, p. 154–155].

Перевод А.Л. Никифорова, комментарии
и примечания Т.Д. Соколовой

Список литературы

- Данте, 1967 – Данте А. Божественная комедия / Пер. М.М. Лозинского. М.: Худ. лит., 1967. 686 с.
- Конт, 1901 – Конт О. Курс положительной философии. СПб.: Книжный магазин Т-ва «Посредник», Книжный магазин И.И. Иванова, 1901. 302 с.
- Петрарка, 1989 – Петрарка А. Лирика. Автобиографическая проза / Пер. Ю.М. Верховского. М.: Правда, 1989. 480 p.
- Comte, 1854 – Comte A. *Système de politique positive*. Vol. IV. Paris: L. Mathias, 1854. 865 p.
- Darwin, 1859 – Darwin Ch. *On the Origin of Species*. L.: John Murray, 1859. 502 p.
- Hershel, 1857 – Herschel J. *Essays from the Edinburgh and Quarterly Review with Addresses and other Pieces*. L.: Longman, Brown, Green, Longmans & Roberts, 1857. 756 p.

¹⁹ Нам не удалось установить источник цитирования. В стихотворении обыгрывается идиома *thumb one's nose* – показать нос – один из распространенных насмешливых жестов. – Примеч. ред.

Ingram, 1873 – *Ingram J.K. Miscellaneous Notes // Hermathena*. 1873. Vol. I. P. 247–250.

Lewes, 1865/1866 – *Lewes G.H. Auguste Comte // The Fortnightly Review*. L.: Chapman and Hall, 1865/1866. Vol. III. P. 385–410.

Mill, 1865 – *Mill J.S. Auguste Comte and Positivism*. L.: N. Trubner & Co, 1865. 200 p.

Pickering, 2009 – *Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2009. Vol. II, III. 637 p.

Whewell, 1866 – *Whewell W. Comte and Positivism // Macmillan's Magazine*. 1866. Vol. XIII. P. 356–362.

References

Comte, A. *Kurs polozhitel'noi filosofii* [Cours de philosophie positive]. Saint Petersburg: Knizhnyi magazin T-va “Posrednik”, Knizhnyi magazin I.I. Ivanov, 1901. 302 pp. (In Russian)

Comte, A. *Système de politique positive*. Paris: L. Mathias, 1854. Vol. IV. 865 pp.

Dante, A. *Bozhestvennaya komediya* [Divine Comedy]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1967. 686 pp. (In Russian)

Darwin, Ch. *On the Origin of Species*. London: John Murray, 1859. 502 pp.

Herschel, J. *Essays from the Edinburgh and Quarterly Review with Addresses and other Pieces*. London: Longman, Brown, Green, Longmans & Roberts, 1857. 756 pp.

Ingram, J. K. *Miscellaneous Notes, Hermathena*, 1873, vol. I, pp. 247–250.

Lewes, G. H. *Auguste Comte*, in: *The Fortnightly review*. London: Chapman and Hall, 1865/1866. Vol. III. P. 385–410.

Mill, J. S. *Auguste Comte and Positivism*. London: N. Trubner & Co, 1865. 200 pp.

Petrarca, F. *Lirika. Avtobiograficheskaya proza* [Lyrics]. Moscow: Pravda, 1989. 480 pp. (In Russian)

Pickering, M. *Auguste Comte: An Intellectual Biography*. New York: Cambridge University Press, 2009. Vol. II: III. 637 pp.

Whewell, W. *Comte and Positivism, Macmillan's Magazine*, 1866, vol. XIII, pp. 356–362.